

Посвящается Вере Епловой

Огонь в сердцах — то искры небосвода,
Который воссиял закатом алым.
Неудержимая победа и свобода.
Луч света путникам в лесу усталым.

—
3
—

Огонь в глазах — то солнечные блики,
Нагретая в песках прибрежных медь,
И даже тех, в чьих душах холод дикий,
Такой огонь не может не согреть.

Огонь в руках — сердца то самых смелых,
Девиз которых: «Искренность и честь».
Пусть в любви и дружбе неумелы —
Зато неведомы им зависть, злость и месть.

Но стоит помнить — раздувать чрезмерно
Огонь в руках, глазах или сердцах
Нельзя. Всего лишь шаг неверный —
Там, где горело пламя, будет прах.

Резвясь с огнем, о ветер беззаботный,
Запомни, что ты можешь невзначай
Опасному пожару дать свободу,
С ним вместе выпустив губительную хмарь.

Пусть пламя лучше нежит, светит, греет.
Пожар, увы, совсем не то умеет...

ГЛАВА 1

Небо успокоилось и больше не поливало дождем улицы, площади и проулки. Оно, насухо выжатое, обессиленно висело над городом, приняв снотворное из тихого, успокаивающего шелеста миллионов листьев, с которыми играл ночной ветер. Во время грозы он восторженно скрипел качелями, гнул стволы и ветви деревьев, угрожающими порывами стучался в окна, а теперь словно выдохся и вполне миролюбиво гонял мусор и осторожно дул на лужи — ему нравилось наблюдать за легкой рябью.

5

В луже, крохотным морем разлитой в одном из дворов засыпающего города, рябь сменилась волнами и брызгами — по темной воде, рассекая ее мощными колесами, проехал черный внедорожник.

Отражение света фонарей в дворовом море тут же обиженно задрожало, забор исказился, угол дома распался надвое. К шуршанию листьев добавился неторопливый глухой звук мотора.

Миновав лужу, громоздкий автомобиль неспешно заскользил по мокрой дороге. Он подъехал к массивному пятиэтажному дому, окутанному после ливня, как и все прочие дома в округе, приползшим с реки липким туманом, и остановился около одного из подъездов. Выходить из внедорожника никто не спешил. В темном салоне с трудом можно было разглядеть силуэты молодой пары. На водительском сиденье находился крепкий молодой человек, одна рука которого лежала на руле, а вторая свободно обнимала за плечо девушку, чьи светлые волосы были собраны на затылке в высокий хвост.

Хотя свадьба у Насти и Федора должна была состояться совсем скоро, уже в июне, они все еще продолжали устраивать себе свидания, будто бы познакомились не три с половиной года назад, а на прошлой неделе. Буду-

щие молодожены ездили в кино и в кафе, устраивали пикники и посещали боулинг-клубы, гуляли по набережной и по Мосту влюбленных дураков и даже ходили в походы или ездили на горнолыжную базу.

Правда, из-за того, что Федор постоянно был занят на работе, да и его невеста тоже без дела не сидела, в последнее время свидания проходили не так часто, как им обоим хотелось. Можно даже сказать, редко. К тому же молодого человека могли вызвать на службу не только во время прогулок или посещения кафе, но и посреди ночи, и он был обязан явиться по первому требованию. Бывало и так, что за ним приезжали во время законных выходных или отпуска, и даже тогда Федору волей-неволей приходилось подчиняться и уезжать на свою почти что секретную работу.

— Останешься у нас? — спросил Федор, приоткрыв окно и наслаждаясь прохладным воздухом, таким, который бывает только после ливня — в нем до сих пор еще витал свежий запах грозы.

— Раз ты меня сюда привез, то явно останусь, — рассмеялась Настя, в этот момент большее удовольствие получающая от прикосновений, нежели от воздуха. — Ты же хитрый.

— Совсем немного. Мама будет тебе очень рада, — сказал Федор, с улыбкой глядя на Настю.

— Ты уверен? — завокнулась та, вспомнив, сколько времени на часах. — Я не поздно?

— Естественно, уверен. Мама рада тебе всегда. А уж как я буду рад ночью, зайка... — и он, замолчав, повернулся к невесте и осторожно коснулся широкой ладонью ее лица.

Если бы рядом с этой парочкой находилась Маша, она бы с ума сошла от удивления: при ней брат всегда вел себя так, словно ему все еще было пятнадцать лет. А сейчас был совершенно другим! Заботливым, серьезным... И взрослым.

Надо сказать, любящие братик и сестричка Бурундуковы только и делали, что с детства задирались и обзывались, устраивали разборки и жаловались родителям, изошренно «стуча» друг на дружку. Правда, в уже чуть более старшем возрасте, когда Федька всерьез начал увлекаться боксом, ему часто приходилось защищать сестренку от местных хулиганов или от мальчишек, с которыми шумная

и вредная маленькая Машка частенько ссорилась, ей, видите ли, казалось, что они хотят ее обидеть, поэтому иногда она обижала первая. К тому же, малявка, как ласково звал ее Федор, постоянно хвасталась всем, что у нее есть брат-боксер, который может «здорово навалить и больно треснуть». В юношестве парня это сильно раздражало, ведь приходилось разбираться с пацанами, но сейчас, когда сестра вроде как стала девушкой, Федя был бы не прочь услышать из ее уст эту фразу вновь, только адресованную уже какому-нибудь из кавалеров. В том, что они у Маши есть или вот-вот появятся, Федор и не сомневался!

Хоть прошло уже много лет, но отношения между братом и сестрой так и остались детскими. Кому-то они казались трогательными, кому-то — глупыми, но за фасадом взаимного дурачества скрывалась прочная родственная связь, которая была сильнее многих.

А еще Федор считал, что по-прежнему ответствен за сестрицу, и продолжал ее своеобразно опекать (Машка назвала бы это «допекать»), не упуская возможности лишний раз подколоть ее. Тогда она жутко злилась и раздражалась смешными тирадами — ну прямо как в детстве. Федора это очень веселило.

— Пойдем, Настасья? — предложил он. — Хорошо, что дождь кончился. Можно будет прогуляться, если хочешь. Ты же любишь по темноте.

— С тобой нестрашно, вот и люблю, — отвечала его невеста, озорно глядя на Федора — парнем он был высоким, крепким. С таким нечасто связываются в подворотнях.

— Надо было сказать, что не со мной любишь, а меня любишь, — пробурчал тот.

Будущие молодожены уже собирались выйти на прохладную после дождя улицу, как Настя вдруг, чуть прищурившись, подалась вперед и сказала со смехом:

— Ой, Федь, а это не твоя сестренка?

— Машка? Где? — тут же стал вглядываться в темноту он. Насколько Федор помнил, Мария клятвенно обещала рассерженной матери, что все выходные будет готовиться к зачетам.

— Да вон же, на мотоцикле, с мальчиком, — улыбнулась Настя.

7

Около самого подъезда, в свете ярко горящего уличного фонаря виднелся красно-черный мотоцикл, в котором Федька тут же признал Honda VFR — мощный, но дорогой байк, стоивший раза в три или в четыре дороже его собственного внедорожника, кредит за покупку которого Федор выплачивал уже второй год. Первый раз с балкона он марку не разглядел, а теперь был удивлен, что у друга сестрицы такой дорогой личный транспорт. Да, это и вправду дружок их малявки!

— А-а-а, мотоциклист, — прищурившись, протянул он. — И снова я тебя вижу. Не поздновато ли для вас, малыши?

Темноволосый высокий парень с широким разворотом плеч, которого Федор, хмыкнув, тут же мысленно прозвал «сопляком», стоял к сидящим в авто спиной, а вот лицо Машки было хорошо видно. Она что-то выговаривала своему другу, а тот, касаясь то ее локтя, то ладони, то плеча, изредка склонялся к левому уху и что-то говорил. Волосы и одежда обоих, кажется, промокли насквозь, словно они долго гуляли под дождем. Федька поморщился. Во-первых, он считал, что Мария неспособна ни на какие проявления романтики, как неспособен на глубокие душевные переживания австралийский кенгуру (сестра, впрочем, думала о нем то же самое). А во-вторых, Федор продолжал считать Машу совсем юной и наивной девочкой, вокруг которой крутится много подозрительных сопляков. В том числе и этот!

— А ничего так у паренька фигурка, — продолжала с интересом разглядывать мотоциклиста Настя. — Наверное, и личико должно быть милым.

В Бурундукове-младшем моментально проснулись собственнические инстинкты, передающиеся из поколения в поколение.

— Эй! Я почти твой муж, а ты пялишься на какого-то малолетку!

— Не какого-то, — живо возразила Настя, — а на друга твоей сестры и моей будущей золовки!

— Ну и что, — уперся Федор, продолжая разглядывать парня. Мотоциклист ему пока что активно не нравился. Торчит почти в полночь с сестрой под их окнами, едва ли не в обнимочку! Сейчас еще лапать начнет,

вообще красота будет. Точно придется тогда идти парню «милое личико» фонарями украшать. Не теми, что во дворе, другими.

— Как что? — не поняла Настасья, дразня жениха. — А вдруг Маше он очень нравится? Хм, а есть в нем что-то обаятельное. Жесты, что ли...

— Ты что, по спине определила, что он обаятельный? На расстоянии? — постучал пальцами по рулю Федька, подавляя в себе желание раз пять посигналить парочке и ослепить их яркими фарами. — Я понять не могу, что это за фрукт. Из богатеньких мажоров? Надо бы имя его узнать и действительно по базе пробить, кто таков и чем занимается.

— Ты совсем того. Ой, смотри, а он ей все время на левое ухо что-то говорит, — явно развеселилась Настя, наблюдая за будущей золовкой и ее другом. — Знает, как найти подход к девушкам.

— Имеешь в виду полушарную асимметрию? — вспомнилось Федьке из курсов по технологиям манипулирования, что правое «женское» полушарие отвечает за эмоции, и так как оно управляет левой стороной лица, то лучше всего говорить комплименты женщине или же петь колыбельную ребенку именно на левое ухо, чтобы активировать это самое правое полушарие. — Так может, он этот, пикапер?

— Да ну, брось. Маша не такая дурочка, чтобы попасться.

— Именно, что такая, — проворчал Федор. Наивность и врожденная недоверчивость каким-то мистическим образом одновременно уживались в его сестричке.

— Как мило они смотрятся... Молодцы ребята! — вглядывалась Настя в Марию, которая смотрела снизу вверх в лицо парня, и на ее частенько недовольном или ехидном личике появилась нежная улыбка. Будущая родственница этой девушке с высоким хвостом на затылке нравилась и чем-то даже напоминала саму себя в юные годы.

— Э, парень, ты не обнаглел ли? — полушутливо-полусердито сказал Федор, глядя, как высокий, потенциально красивый, по мнению невесты, хлыщ наклоняется к сестре с вполне явным намерением — запечатлеть поцелуй. К счастью, этого не произошло — Маша и ее па-

рень начали хохотать. — Не, ну вообще! И он ее еще бурдучком называет! Я сам в их переписке видел. Нет, он мне определенно доверия не внушает!

— Федя, ну что ты как маленький, мы ведь тоже у подъезда целовались, — мягко укорила жениха Настя. — И меня ты тоже по-разному ласково называл. Дорогой мой, не лезь в их отношения. И как тебе может не нравиться парень, если вы даже не знакомы?

— Сейчас мы с ним и познакомимся, — тут же загорелись светло-карие, как и у Марии, глаза Федьки. Если бы Настя вовремя не схватила жениха за руку, он бы точно выскочил из машины, чтобы досрочно начать знакомство.

— Федор! — строго велела она будущему мужу. — Оставайся в машине и не порть девочке свидание.

— А если он к ней приставать начнет? — возмутился парень.

— Не начнет.

— Я что, по-твоему, этих малолеток не знаю? Сам таким был пару лет назад, — нахохлился Федька, продолжая оглядывать скептическим взглядом Марию и хлыща.

— Вот оно что, — многозначительно произнесла ревнивая Настасья. — Ну-ка, расскажи мне подробнее, каким ты был?

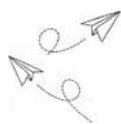
— Да так... Обычным, как все остальные в таком возрасте... — замялся Федька, и воинственность в нем поутихла. — Слушай, давай в супермаркет за тортиком съездим? — улыбнулся он во весь рот, совсем не горя желанием рассказывать невесте что-либо из буйного прошлого. — Ты же любишь сладкое, Настен?

— Люблю, — сердито отозвалась та. — Поехали.

«И мешать им не будем», — подумала про себя девушка.

Федор еще раз окинул взглядом мотоцикл, запоминая номер — решил пробить его на досуге, чтобы побольше разузнать о парнишке, при условии, конечно, что этот недорогой байк принадлежит ему.

Больше он не пытался познакомиться с парнем младшей сестры. По крайней мере, этим вечером. Внедорожник уехал прежде, чем Чип и Дейл, не сдержавшись, решили, что на прощание весьма неплохо будет вновь поцеловать друг друга.

Ветер продолжал колыхать листву, заставляя шептать одной ей понятные слова, а заодно растрепал светлые пряди девушки и запутался в темных волосах обнявшего ее юноши. Не забывал он и о ряби в луже, в которой продолжали безмолвно отражаться огни. Но не успели утихнуть миниатюрные волны, вызванные колесами тяжелого внедорожника, как появились новые — от колес совсем другого автомобиля. На место машины Федора подъехала другая — дорогая серебряная иномарка, бесшумная и плавная, похожая на коварного, умеющего выждать жертву хищника. И если бы кто-то заглянул в ее окна, то не смог бы никого увидеть — тонировка надежно прятала тех, кто был в салоне.

— Это она. Это точно она, — произнес в микрофон телефонной гарнитуры человек, сидящий за рулем, глядя на Машу и Дэна. — Я все проверил, как только услышал про...

Собеседник резко перебил его, вынудив замолчать.

— Да, брат, я не промахнусь, — произнес он спустя полминуты. — Да, я постараюсь все сделать правильно.

— Чертов кретин, твою же мать, — сорвал с себя гарнитуру парень, как только звонивший отключился, и с яростью бросил на пустое сиденье рядом. — Зачем я это сказал? Почему я? Именно сейчас! — Он нервно и с силой провел пятерней по лбу и волосам, словно пытаясь убрать их назад, и вдруг неожиданно ударил по рулю кулаком. После пару минут парень посидел с закрытыми глазами, пытаясь успокоиться, а затем, резко нажав на газ, уехал в неизвестном направлении.

Дэн и Маша не обращали внимания на разъезжающие туда-сюда автомобили, они были заняты собой. Вернее, друг другом: фея и человек-ветер.

А небо так и продолжало спать, укутавшись в одеяло из облаков.

Когда я открыла дверь квартиры, я очень надеялась, что мама — жаворонок по натуре — уже спит. Но нет, она ждала меня в полутемной прихожей, закутавшаяся в теплый халат и очень недовольная. В гостиной работал телевизор — негромко раздавался голос ведущего полуночных новостей. Кажется, никого, кроме нее, дома не было. У папы, наверное, как всегда, образовалось что-то сроч-

ное на работе, братишка тоже куда-то пропал. Одно лишь котэ вылезло из шкафа, чтобы встретить хозяйку. Оно умильно смотрело на меня и облизывалось. Наверное, только что отужинало, вернее, отполуночило. Я зачем-то помахала Ириске, и в зеленых немигающих глазах появилось вполне закономерное удивление. Мол, ты чего, хозяйка, я и на «кис-кис» отзываюсь изредка, мне тебе что, лапой помахать в ответ или хвостом?

Мне почему-то хотелось улыбнуться — такое хорошее настроение было, хотя я понимала, что сейчас большой огненный дракон в лице мамы настигнет бедного несчастного орленка, чтобы задать ему хорошую трепку или съесть.

— Пришла? — не слишком любезно поинтересовались у меня.

— Пришла. Привет, — включила я в прихожей свет. Мама, увидев меня, ахнула и уперла руки в боки.

— Что за вид, Мария? Ты почему вся мокрая? Под дождем, что ли, бегала? Да ты с ума сошла!

— Случайно попала под дождь. Мам, все в порядке, — неуверенно улыбнулась я и принялась разуваться. Хорошо, что она меня в другой кофте не видела, насквозь промокшей!

— В порядке? Немедленно переодевайся! И чай горячий выпить не забудь, с медом, чтобы не простудиться. Ты где была так долго, красавица моя?

— В библиотеке. Я же говорила, что туда иду, — вместо того чтобы построить смиренное выражение лица, я вдруг опять беспричинно улыбнулась, глядя в пол, а потом, испугавшись, прикрыла губы кулаком. Как же на душе хорошо!

— В библиотеке? — подозрительно спросила мама.

— Да, сидела там допоздна. Готовилась... к зачету, — почти пропела я. До сих пор это странное легкое пьянящее головокружение! Такое приятное, как поцелуи под дождем.

— Допоздна? Что ты мне лапшу на уши вешаешь. Библиотека по субботам до семи часов работает! — разоралась на меня мама тут же. Ох, и зла же она на меня была! Я бы на ее месте тоже злилась. Кому приятно, когда так нагло обманывают? — Это в какой такой библиотеке ты сидела? В ирреальной, из другого измерения?

